

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-35-42>

Семантическая оппозиция «чан»/«чаша» в творчестве М. М. Пришвина (к 150-летию со дня рождения)

Игорь Сергеевич Урюпин

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, is.uryupin@mpgu.su; isuryupin78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

Аннотация. В статье, посвященной 150-летию со дня рождения М. М. Пришвина, рассматривается семантическая оппозиция «чан»/«чаша», носящая ярко выраженный лейтмотивный характер, выступающая одним из конструктивных элементов формирования авторского мета- и сверхтекста. На материале художественного, публицистического, документально-дневникового наследия писателя выявляются мотивно-образные универсалии, архетипы, константы, обладающие значительным мифосуггестивным потенциалом. Цель статьи – представить широкий спектр семантических коннотаций и формально-содержательных вариаций концептов «Чаша» и «Чан» в творчестве М. М. Пришвина, установить их системные связи на разных уровнях тексто- и смыслопорождения как в синтагматическом, так и в парадигматическом аспектах. Для реализации указанной цели использовались структурно-семантический, когнитивно-функциональный, историко-генетический методы исследования литературного текста в аксиологической парадигме современной филологии. Социокультурный, религиозно-философский и историко-литературный контексты, привлекаемые для анализа смыслообразов (эйдосов) «чаша», «чан», для их сопоставления и противопоставления, актуализируют смысловые пласты, позволяющие реконструировать авторский миробраз/авторскую картину мира и – шире – авторское сознание, отражающее не только индивидуальный опыт художника в познании микро- и макрокосма, но и духовно-мировоззренческие искания русской интеллигенции, пережившей в XX в. череду страшных испытаний, погрузившейся в «чан» страстей и испившей чашу страданий и искупления грехов.

Ключевые слова: М. М. Пришвин, семантическая оппозиция, чан, чаша, «мирская чаша», эйдос, мотивно-образный комплекс, универсалия, концепт

Для цитирования: Урюпин И. С. Семантическая оппозиция «чан»/«чаша» в творчестве М. М. Пришвина (к 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 35–42. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-35-42>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Semantic opposition "vat"/"chalice" in M. M. Prishvin's works (to the 150th anniversary of the birth)

Igor S. Uryupin

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, is.uryupin@mpgu.su, isuryupin78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

Abstract. The article considers the semantic opposition "vat"/"chalice", which has a strongly pronounced leitmotif character and is one of the constructive elements in the formation of the author's meta- and supertext. Drawing on the material of M. M. Prishvin's artistic, journalistic, documental and diary legacy, I reveal the motif-figurative universals, archetypes, constants which have significant mytho-suggestive potential. The paper aims to present a wide range

of semantic connotations and formal and content variations of the "Chalice" and "Vat" concepts in M. M. Prishvin's writings. Another objective is to establish the systemic relations between these concepts at different levels of text and meaning generation focusing on both syntagmatic and paradigmatic aspects. To achieve this goal, I employed structural-semantic, cognitive-functional, and historical-genetic methods of studying a literary text in the axiological paradigm of modern philology. The socio-cultural, religious-philosophical, and historical-literary context is involved in the analysis of the "chalice" and "vat" semantic images (eidos) to compare and contrast them. It actualises the semantic layers that make it possible to reconstruct M. M. Prishvin's picture of the world and, more broadly, the author's consciousness. The latter reflects not only the artist's individual experience of cognising the micro- and macrocosm, but also the spiritual and world-view quest of the Russian intelligentsia that endured a series of terrible ordeals in the 20th century. Russian intellectuals immersed in the "vat" of passions and drank the chalice of suffering and atoning for sins.

Keywords: M. M. Prishvin, semantic opposition, vat, chalice, "worldly chalice", eidos, motif-figurative complex, universal, concept

For citation: Uryupin I. S. Semantic opposition "vat"/"chalice" in M. M. Prishvin's works (to the 150th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(1):35–42. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-1-35-42>.

Введение. Размышляя о феномене М. М. Пришвина, укорененного не просто в «земле» — как стихии и почве и поверхности», но в самой «При-Роде, рождающей Жизнь», Г. Д. Гачев обратил внимание на то, что «мысль-смысл и голос-логос» [Гачев 2006: 208] писателя при всем его «геоцентризме» в познании микро- и макрокосма устремлены далеко от земли в сферу Духа. Весь парадокс художественного видения мира писателя состоит в том, что сам объект изображения в его произведениях кажется отнюдь не самоцелью, а лишь средством, намеком на что-то «другое», «совершенно новое и еще неизвестное, неназванное» [Пришвин 1982, 2: 139].

Пришвинский текст, обладая особой социокультурной и мифологической суггестивностью, по своему идейно-философскому наполнению оказывается настолько емким, что вбирает в себя объем содержания (в том числе невербализованного), какой не способна вместить исключительно словесная форма. Отсюда очевидная асимметрия знака и значения в художественном дискурсе М. М. Пришвина, порождаемая самим типом поэтического мышления, проявляющегося через «авторскую метафору», выступающую «результатом индивидуального восприятия картины мира, преломления объективной действительности через призму языковой личности» [Туралина 2007: 103]. Пришвинская метафора преодолевает границы слова, реализуя свой ассоциативно-когнитивный потенциал в «поликомпонентном контексте» либо в «сверхконтексте, представляющем собой сверхфразовое единство»

[Туралина 2008: 119], в котором «движение мысли» не ограничивается синтаксически, а «предложения логически вытекают одно из другого, формируя текст» [Марченко 2003: 26] и далее — метатекст всего творчества писателя.

Организующая этот метатекст нарративная структура включает в себя совокупность универсалий и констант, принципиально важных для авторского мировидения, вступающих между собой в особые семантические отношения (сопоставления, противопоставления, тождества). К числу таких базовых концептов, приобретающих в произведениях М. М. Пришвина статус смыслообразов (эйдосов), относятся «Чан» и «Чаша», которые образуют в художественной системе писателя устойчивую культурно-семиотическую оппозицию, носящую лейтмотивный характер. Е. Ю. Кнорре, анализируя повесть писателя «Мирская чаша», заметила, что через «символическое сопоставление двух "сосудов"» «Пришвин противопоставляет два облика мира»: «кипящий чан "черного передела" земли русской» и «"мирскую чашу" искупления» [Кнорре 2021: 51] грехов «мира», актуализируя чрезвычайно важную для русского духовного (само)сознания оппозицию *война/мир*.

Хаос бурлящей жизни, в которой все борются против всех, ассоциировался у М. М. Пришвина с «чаном» — котлом, «кадищем большого размера»¹, вызывавшим

¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Н–V. М.: ТЕРРА, 1995. С. 581.

в воображении писателя inferнальные образы ада/преисподней, где мучаются грешники, расплачиваясь за свои земные страсти, в то время как «чаша», напротив, выступала священным атрибутом религиозных таинств, сакрализовавших страдания и освещавших бытие человека. *Чан* и *чаша*, несмотря на то что сами эти слова при общем звукосимволическом облике в русском языке не являются родственными (*чан*, согласно М. Фасмеру, «восходит к древнерусскому дышанъ “дошачтый”»², а *чаша* — к «праславянскому *čáša* — «кубок»³), в творчестве М. М. Пришвина оказываются включены в единую философско-эстетическую и мировоззренческую парадигму, реализуя свой смысловой потенциал в духовно-культурном «сверхконтексте» русской литературы XX в.

Анализ. Впервые образ чана в его символическом значении появляется у М. М. Пришвина в очерке «Круглый корабль», опубликованном в «Русских ведомостях» в 1911 г., в пору напряженных нравственно-этических исканий писателя, посещения им заседаний Религиозно-философского общества в Петербурге, знакомства с идеями и духовной практикой членов секты «Голгофское христианство». На одном из собраний общества внимание М. М. Пришвина привлек странный русский купец, бросивший «свое положение, семью» и скитающийся по лесам и степям «в поисках истинного бога» [Пришвин 1982, 1: 792]. «Ехидно, как настоящий сатир», и вместе с тем экзальтированно и страстно, «как пророк», охваченный священным трепетом и религиозным наитием, он обрушился с резкой критикой в адрес интеллигенции, искавшей Бога как отвлеченную абстракцию, нравственный Абсолют, в то время как простой русский народ никогда не утрачивал *чувство* «живого Бога» — реального Спасителя и Утешителя в бедах и страданиях. А потому, говорил «пророк-сатир», раскрывая свой собственный опыт погружения в океан народной веры, нужно презреть интеллектуальную гордыню и раствориться в архаической массе: «...вы, интеллигенты, должны так умереть и воскреснете с нами»;

«Посмотрите на всех нас, как мы в рабстве познали друг друга, мы как в чану выварились»; «Бросьтесь в чан и получите веру и силу» [Пришвин 1982, 1: 793].

Однако никто из «вождей религиозно-философского движения» «не пожелал броситься в чан» [Там же]. «Забить свою личность и броситься в чан» [Там же: 794] для русской интеллигенции было равносильно самоубийству, но вместе с тем и тому крестному подвигу, на который отваживались некоторые представители «мыслящего сословия», вставшие на путь духовного «опрошения», отказавшиеся от соблазнов цивилизации во имя истины, нерелексивно открытой простым народом задолго до его обращения в официальное христианство. Русская интеллигенция в порыве «народопоклонства» еще в конце XIX — начале XX в. осознавала необходимость самопожертвования и даже была готова принять «трагедию чана» [Там же: 793], растворившись в «богоносной» стихии крестьянского мира (космоса), но события революции 1917 г. обнажили «звериное» (апокалиптическое) лицо народа, испугавшее его «заступников» и «просветителей» из числа «образованного класса».

В повести М. М. Пришвина «Мирская чаша. 19-й год XX века» (1922) сам образ народа связывается «с фантастическим образом “чана”» [Святославский 2019: 60], в котором «вертятся и крутятся черные люди со всем своим скарбом вонючим и грязным, не разуваясь, не раздеваясь, с портянками, штанинами, там лапоть, там юбка, там хвост, там рога, и черт, и бык, и мужик, и баба варит ребенка своего в чугуне, и мальчик целится отцу своему прямо в висок» [Пришвин 1982, 2: 515–516]. Вся эта вакханалия «называется *мир*» (курсив М. М. Пришвина. — *И. У.*) [Там же: 516]. «Огромный кипящий чан, заваренный богом черного передела русской земли» [Там же: 515], выступает символом революционного миротворения, нового бытия, возникающего из адской бездны, из «черной дыры», которая «нас всех проглатывает», и «мы все летим в этот чан, фабрики, равенство, наука, социализм» и т. д. [Пришвин 1982, 2: 519]. Однако, как всякий амбивалентный, многозначный образ, чан оказывается универсалией, аккумулирующей в себе диаметрально противоположные

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: Т–ящур. М.: Прогресс, 1987. С. 314.

³ Там же. С. 320.

смыслы, визуализируя и хаос, и космос одновременно. Та же универсалия является сюжетообразующей и в очерке М. А. Булгакова «Столица в блокноте» (1922–1923), в котором появляется образ котла, «в нем варят новую жизнь. Это очень трудно. Самим приходится вариться», «рождается новый, пронизывающий все углы бытия, организационный скелет» [Булгаков 1995: 224].

Новый мир, порожденный революцией, и М. М. Пришвину, и М. А. Булгакову виделся результатом переплавки старого материала в горниле Истории. Об этом не раз размышляли в своих дневниках оба писателя [Урюпин 2008]. В пришвинских записях в разные годы возникает образ «Чана истории» [Пришвин 1986, 8: 331], в который приходится бросаться, чтобы, преобразившись, не потерять себя в современности. «Личность в русской истории, — замечал М. М. Пришвин 16 сентября 1946 г., — мне представляется, стоит всегда перед искушением во имя общего блага броситься в некий чан» [Там же: 480]. В свое время А. А. Блок «стоял у края чана секты Легкобытова», «пророка» и духовного лидера хлыстовской общины «Новый Израиль», и «вождь секты искушал его: “Бросьтесь в наш чан и воскреснете вождем народа”» [Там же: 481]. Почти десятилетие спустя, 31 января 1953 г., М. М. Пришвин вернулся к своим раздумьям о «чане Истории», противопоставив А. А. Блоку, не пожелавшему «броситься в чан», В. В. Маяковского: «Нашелся такой поэт, что бросил себя и даже наплевал на себя... И бросился в чан» [Там же: 627]. «Вот так надо и нам: настоящее “слово правды” требует решения: умереть в горе, как Блок, или броситься в чан, как Маяковский» [Там же]. А ведь еще в середине 1940-х гг. Ляля (так писатель называл В. Д. Лебедеву, ставшую его женой, музой и Прекрасной Дамой, вдохновлявшей на творчество) в разговоре о «чане» вспоминала Конька-Горбунка П. П. Ершова: «...помнишь, он бросился в чан кипящий и остался невредим, а царь бросился по его примеру и сварился. Эта сказка обещает нам бессмертие личности» [Там же: 481].

Вообще само выражение *броситься в чан*, имеющее фразеологический характер, обладает признаком «языковой неоднозначности», «семантической диффузии» — способности «иметь различные

смыслы» и реализовывать «одновременно несколько лексико-семантических вариантов» [Власова 2014: 128–129]. «Принцип диффузности значений многозначного слова, — утверждал Д. Н. Шмелев, — является решающим фактором, определяющим его семантику» [Шмелев 1973: 95]. В пришвинском дискурсе *броситься в чан* означает в одно и то же время и *погрузиться в бездну, раствориться в небытии, и преобразиться, обновиться* — иными словами: *умереть и воскреснуть*. Негативная и позитивная коннотация слова *броситься*, простирающаяся во фразеологизме *броситься в омут* — «безрассудно решиться на какой-либо смелый, отчаянный поступок»⁴ — в произведениях писателя воплощается буквально: более того, *омут* в своей глубинной мифосемантике отождествляется с *чаном*. Даже в рассказе М. М. Пришвина «Олень-цветок», вошедшем в книгу «Золотой Рог» (1934), автор, описывая китайский театр, погружается в его фантазмагорический мир, как в омут: войти в него — «все равно, что спуститься в чан с человеческого потом, но спустя некоторое время почему-то становится ничего и почти очень хорошо» [Пришвин 1983, 8: 503].

Чан как вместилище *человеческого пота, крови, слез* — всего того, во что *выливается* человеческая жизнь и что собирается в священном сосуде на суд вечности, в творческом сознании М. М. Пришвина неразрывно связывался и даже нередко отождествлялся с другим сакральным сосудом — чашей. В «Очерках Выговского края» с поэтическим названием «В краю непуганых птиц» (1907) писатель, представляя вопленицу Максимовну, «истолковательницу чужого горя», замечал: «Чтобы понимать чужое горе, нужно было выпить до дна полную чашу своего собственного» [Пришвин 1982, 1: 79]. Чаша, наполненная горем, и чан страстей и страданий в творчестве М. М. Пришвина, по утверждению В. Д. Пришвиной, оказываются символическим воплощением самой жизни: «Испить ее как чашу — значит делом войти в истинную жизнь» [Пришвина 1981: 90].

⁴ Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.: в 2 т. Т. 1: А–Н / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, Сиб. отд.-ние, 1991. С. 44.

«Чаша — это образ единства, связи и взаимной ответственности всех людей и всех народов на земле» [Пришвина 1982: 40]. Философский объем концепта «Чаша» неизмеримо больше, чем семантический потенциал лексемы *чан*, поскольку он вбирает в себя весь комплекс ассоциаций от бытовой до бытийной сферы, реализуя художественную диалектику «вещи» и «вечности» на всех уровнях художественного осмысления действительности.

Буквальный, предметный план образа чаши стал основой метафорического воплощения М. М. Пришвиным природных объектов в произведениях, посвященных загадкам «русского леса» (например, *лесная чаша* в рассказе «Старый гриб» (1945) или *приствольные чаши* в книге миниатюр «Глаза земли» (1951) и романе «Осударева дорога» (1933–1952), в которых художником воссоздаются картины весеннего обновления жизни через вечный круговорот воды, множеством ручейков стекающей с небес на землю в материнское лоно, рождающее мир и напоминающее чашу).

Чаша как священный сосуд, неизменно ассоциирующийся с образом Святого Грааля, который, по утверждению А. Н. Веселовского, «питает и исцеляет» «кровью Спасителя» человечество, наполняя его жизненной силой [Веселовский 1896: 37], в творчестве М. М. Пришвина становится метафорой «жизненного круга», воплощенной в природном и культурном ареале. Не случайно с чашей сравнивает писатель иератические локусы на земле, актуализируя «универсальный пространственный символ — круг» [Морозова 2018: 28]. В повести «У стен града невидимого (Светлое озеро)» (1909), посвященной таинственному Китежу, не покорившемуся монголо-татарскому нашествию и погружившемуся в воды Светлояра, особенно почитаемому старообрядцами, автор прямо замечает: «Светлое озеро — *чаша святой воды* в зеленой зубчатой раме» [Пришвин 1982, 1: 79]; в повести «Славны бубны» (1913) описывается бывшая столица Крымского ханства Бахчисарай, что «лежит в *каменной чаше*», в которую устремляются мусульманские паломники: «один чалмоносный путник с длинным посохом спешит, чтобы до заката увидеть город, услышать муэдзина и помолиться на краю *каменной чаши*» [Пришвин

1982, 1: 562]; в рассказе «Тютенькин лог» (1910) представлена легенда о «Чертовом Городище» — «диком месте», где «есть *громадные чаши*, молотки, скамьи, фигуры людей и животных, какие-то высокие стены — все будто окаменелый и разрушенный город» [Там же: 679].

Сакральная семантика образа чаши, входящего к ключевой евангельской сцене моления Иисуса Назарянина в Гефсиманском саду накануне Его крестного подвига, достигает своего наивысшего художественного воплощения в автобиографической прозе М. М. Пришвина, главным героем которой, Михаил Алпатов, выступающий alter ego самого автора, обращается к Богу со словами Христа, готового принять муки во имя искупления грехов человечества. В книге «Календарь природы» (1935), вспоминая «мучительные минуты далеких гимназических времен», когда писатель только входил «в мир» и сдавал экзамены (в буквальном и метафорическом смысле) на понимание суровых законов жизни, он «по-настоящему молился: “Да минует меня чаша сия”» [Пришвин 1983, 3: 367]. В романе «Кашеева цепь» (1923–1927) герой-художник, рано осознавший свое призвание «украсить наш путь, чтобы несчастные забыли тяжесть своего креста», *трижды* в самые «узловые» моменты своей жизни обращается к «той молитве, где страдающий бог выпрашивает себе у старшего бога кусочек маленького человеческого счастья: “Да минует меня чаша сия”» [Пришвин 1982, 2: 213]. «Я художник и служу тому, кто украшает мир так, что и сам страдающий бог, роняя капли кровавого пота, просит: “Да минует меня чаша сия!”» [Там же: 349]. Эти же слова с немногими вариациями повторяет писатель, отдавший искусству свой талант, физическую и духовную энергию, выражая жизненное кредо, которое, кристаллизовавшись в сознании еще в юные годы, на протяжении десятилетий давало силы преумножать Добро и бороться со злом: «Я художник и служу красоте так, что и сам страдающий бог, роняя капли кровавого пота, просит: “Да минует меня чаша сия”. Я призван украсить наш путь, чтобы несчастные забыли свой земный крест и дождались новой весны» [Пришвин 1982, 2: 446].

«Мольба о Свете природном среди темной холодной зимы и о Свете метафизическом, Свете невечернем», по замечанию

Н. В. Борисовой [Борисова 2015: 33], становится лейтмотивом повести «Мирская чаша», в которой *личная* история Алпатова, «история страдания сознательной личности», «есть история России», осмысляемая писателем во вневременном, библейском измерении. Отсюда художественные проекции революционной эпохи на евангельские события, когда «сам Распятый просил, чтобы миновать ему эту чашу» [Пришвин 1982, 2: 486], ему вторил автобиографический герой М. М. Пришвина, готовый «испить до конца всю эту *чашу мирскую*» [Там же: 517], а библиотечкару Савину ночью открылась завеса тайны, и во сне он увидел «свою собственную душу», «как чашу, из нее пили, ели и называли эту душу МИР-СКОЮ ЧАШЕЙ» [Там же: 555] (выделено М. М. Пришвиным. — И. У.). Ключевой эпизод повести оказался опытом духовного прозрения самого автора, отмечавшего в дневнике 21 февраля 1919 г.: «Мне снилось, будто душа моя сложилась чашей — *мирская чаша...*» [Пришвин 1983, 8: 117]. Эпитет *мирской*, настойчиво повторяемый писателем по отношению к священному сосуду, в котором евхаристически претворяется вино (сок земной жизни) в кровь Спасителя (квинтэссенцию небесного Абсолюта), вызывает эффект оксюморона, реализующийся через заглавие повести в мотивной и сюжетно-образной структуре произведения, сопрягая «высокое и низкое, чистое и порочное, божественное и человеческое» [Поджио 2004: 218] в самом акте революционного миротворения.

Вообще в творчестве М. М. Пришвина выражение *мирская чаша* становится символом испытаний, которые провиденциально даны человеку, приходящему в «мир» в его роковые минуты — в период революций, катаклизмов, войн. В «Повести нашего времени» (1944–1946), написанной в годы Великой Отечественной войны, писатель признавался: «...все пьют *мирскую чашу страданий*» [Пришвин 1983, 5: 149]; и сам он «держался в краях чаши, испиваемой всем народом» [Там же: 151].

Амбивалентность образа чаши и противоречивость самой жизни человека «в миру» преподносятся писателем как непреложный факт, который нужно смиренно принять: так, например, в рассказе «Химик»

(1913) механик Иван Алексеевич научил автора-повествователя в *двойственности* вещей и явлений постигать подлинную суть бытия: «Терпишь, смотришь, узнаешь и видишь, что вот все было худое, а стоит разобраться — и видишь, что худое было к лучшему» [Пришвин 1982, 2: 573]. В этом мире все *двояко*, и даже «*чаша терпения* пьется горько, а выходит сладко» [Там же: 573]. В творческом сознании М. М. Пришвина единая *мирская чаша*, вбирающая в себя диаметрально противоположные онтологические начала, постепенно *раздваивается*, и рождается образ вселенских весов, представляющих собой «коромысло с двумя чашами “жизни” и “легенды”» [Пришвин 1983, 8: 176]. На исходе 1926 г., в дневниковой записи от 31 декабря появилось «специальное пожелание», которое писатель адресовал не только себе, но и всему миру: чтобы «*чаша легенды* уравновесилась с жизнью» [Там же].

Выводы. «Чаша жизни» в творчестве М. М. Пришвина — это символ самого «земного бытия», «до краев» наполняющего «счастьем и печалью» [Жаткин 2006: 12] не только отдельную человеческую душу, но и «мировую душу» всей природы. *Чаша* в художественной философии писателя выступает прообразом вечности, священным сосудом, бережно хранящим евхаристический *дар* Божий каждому творению, в то время как *чан* оказывается воплощением времени, сиюминутных страстей и порывов, клокочущего «варева», из которого рождается «этот ужасный напиток», что горит «синем пламенем», причащая народ «горькой и подчас веселой судьбе» [Пришвин 1982, 2: 515, 516].

Семантическая оппозиция «чаша»/«чан», выступающая одним из лейтмотивов творчества М. М. Пришвина, актуализирует широчайший спектр культурно-философских ассоциаций, которые формируют многомерное художественно-смысловое пространство русской литературы XX в., всесторонне отразившей духовно-религиозные, идейно-политические и эстетические процессы национального самосознания, напряженного поиска русской интеллигенцией аксиологических констант всеобщего и индивидуального бытия Человека в Природе и Вселенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисова Н. В.* «Мирская чаша» М. Пришвина: моление о Свете // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-1(50). С. 31–33.
2. *Булгаков М. А.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Дьяволиада. М.: Голос, 1995. 464 с.
3. *Веселовский А. Н.* Сказание о Вавилонѣ, скинии и св. Гралѣ. Нѣсколько материалов и обобщений // Сборник отдѣлення русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. СПб., 1896. Т. LXI V, № 6. С. 1–48.
4. *Власова Л. В.* Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 2. С. 128–132.
5. *Гачев Г. Д.* Пришвин // Национальный и региональный «Космо-Психо-Логос» в художественном мире писателей русского Подстепья (И. А. Бунин, Е. И. Замятин, М. М. Пришвин): научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы, документы. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. С. 207–215.
6. *Жаткин Д. Н.* «Чаша жизни» в русской поэзии // Русская речь. 2006. № 1. С. 9–13.
7. *Кнорре Е. Ю.* Война как отрицательное откровение: грааль М. Пришвина и С. Булгакова // Вестник РГУ. Серия: Философия, социология, искусствоведение. 2021. № 4(28). С. 44–60. <http://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-4-44-60>.
8. *Марченко Е. П.* Полипредикативные сложные предложения в современном русском языке: структурно-семантические, коммуникативные и текстообразующие потенции. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2003. 250 с.
9. *Морозова М. Х.* Мифологическая семантика образа озера Светлояр в очерке М. Пришвина «У стен града невидимого» // Филологос. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2018. № 3(38). С. 26–30.
10. *Поджио В.* Образ чаши в повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. М.; Ярославль: МПГУ–Ремдер, 2004. С. 216–220.
11. *Пришвин М. М.* Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1982–1986: Т. 1: Произведения 1906–1914. 830 с.; Т. 2. Кашеева цепь; Мирская чаша; Произведения 1914–1923 годов. 1982. 679 с.; Т. 3: Произведения 1924–1935 годов. 1983. 542 с.; Т. 4: Произведения 1932–1944 годов. 1983. 734 с.; Т. 5: Лесная капель; Рассказы о ленинградских детях; Повесть нашего времени; Кладовая солнца; Произведения 1938–1953 годов. 1983. 486 с.; Т. 8: Дневники, 1905–1954. 1986. 759 с.

12. *Пришвина В. Д.* Круг жизни. Очерки о М. М. Пришвине. М.: Художественная литература, 1981. 239 с.

13. *Пришвина В. Д.* О Михаиле Михайловиче Пришвине // *Пришвин М. М.* Собрание сочинений: в 8 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 1. С. 5–40.

14. *Святославский А. В.* Художественный текст Михаила Пришвина: лингвостилистический аспект. М.: МПГУ, 2019. 160 с.

15. *Туралина Н. А.* Словарь метафорических образов М. Пришвина: опыт создания // Вестник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. Вып. 14: Филологическая серия (3). С. 103–104.

16. *Туралина Н. А.* Метафорическое видение мира в художественном дискурсе М. Пришвина // Михаил Пришвин: диалоги с эпохой: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. С. 116–119.

17. *Урюпин И. С.* Январь – февраль 1922 года в дневниках М. М. Пришвина и М. А. Булгакова // Михаил Пришвин: диалоги с эпохой: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 135-летию со дня рождения писателя. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. С. 71–75.

18. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

REFERENCES

1. *Borisova N. V.* "Secular bowl" by M. Prishvin: the prayer for light. *Philologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice.* 2015;8-1(50):31–33. (In Russ.)
2. *Bulgakov M. A.* Collection of works: in 10 vol. Vol. 1: Diaboliad. Moscow: Voice, 1995. 464 p. (In Russ.)
3. *Veselovsky A. N.* Legends about Babylon, the tabernacle and St. Grail. Several materials and generalizations. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk = Collection of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences.* Saint-Petersburg, 1896; LXIV(6):1–48. (In Russ.)
4. *Vlasova L. V.* Semantic diffusion, semantic ambiguity: conception definitions. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal.* 2014;1(2):128–132. (In Russ.)
5. *Gachev G. D.* Prishvin. *Natsionalnyi i regionalnyi "Kosmo-Psikh-Logos" v khudozhestvennom mire pisatelei russkogo Podstepya (I. A. Bunin,*

E. I. Zamyatin, M. M. Prishvin): nauchnye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy, dokumenty = National and regional "Cosmo-Psycho-Logos" in the artistic world of the writers of the Russian Steppe (I. A. Bunin, E. I. Zamyatin, M. M. Prishvin): scientific reports, articles, essays, notes, theses, documents. Elets: EGU named after I. A. Bunin, 2006. P. 207–215.

6. *Zhatkin D. N. "Cup of Life" in Russian poetry. Russkaya rech = Russian Speech. 2006;1: 9–13. (In Russ.)*

7. *Knorre E. Yu. War as a negative revelation: the Grail of M. Prishvin and S. Bulgakov. Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, iskusstvovedenie = RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series. 2021;4:44–60. (In Russ.) https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-4-44-60.*

8. *Marchenko E. P. Polypredicative compound sentences in modern Russian: structural-semantic, communicative and text-forming potentials. Krasnodar: Kuban State University, 2003. 250 p.*

9. *Morozova M. Kh. Mythological semantics of the image of lake Svetloyar in M. Prishvin's "U sten grada nevidimogo". FILOLOGOS. 2018;3: 26–30. (In Russ.)*

10. *Podzhio V. The image of the bowl in the story of M. M. Prishvin "Worldly bowl". Filologicheskaya nauka v XXI veke: vzglyad molodykh = Philological science in the 21st century: the view of the young. Moscow; Yaroslavl: MPSU–Remder, 2004. P. 216–220. (In Russ.)*

11. *Prishvin M. M. Collected works: in 8 vols. Moscow: Fiction, 1982–1986: vol. 1: Works 1906–1914. 830 p.; vol. 2: Kashcheev chain; Worldly bowl; Works 1914–1923. 1982. 679 p.; vol. 3: Works 1924–1935. 1983. 542 p.; vol. 4: Works 1932–1944. 1983. 734 p.; vol. 5: Forest drops; Stories about Leningrad children; The story of our time; Pantry of the sun; Works 1938–1953. 1983. 486 p.; vol. 8: Diaries, 1905–1954. 1986. 759 p. (In Russ.)*

12. *Prishvina V. D. Circle of life. Essays on M. M. Prishvin. Moscow: Fiction, 1981. 239 p. (In Russ.)*

13. *Prishvina V. D. About Mikhail Mikhailovich Prishvin. M. M. Prishvin. Sbranie sochinenii: v 4 t. T. 1 = Collected works: in 8 vols. Vol. 1. Moscow: Fiction, 1982. P. 5–40. (In Russ.)*

14. *Svyatoslavsky A. V. Literary text by Mikhail Prishvin: linguo-stylistic aspect. Moscow: MPSU, 2019. 160 p. (In Russ.)*

15. *Turanina N. A. M. Prishvin's dictionary of metaphorical images: the experience of creation. Vestnik Eletskego gosudarstvennogo universiteta im. I. A. Bunina = Bulletin of Bunin Yelets State University. 2007;14(3):103–104. (In Russ.)*

16. *Turanina N. A. Metaphorical vision of the world in the artistic discourse of M. Prishvin. Mikhail Prishvin: dialogi s epokhoi: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 135-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya = Mikhail Prishvin: dialogues with the era: materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 135th anniversary of the writer. Bunin Yelets State University, 2008. P. 116–119. (In Russ.)*

17. *Uryupin I. S. January – February 1922 in the diaries of M. M. Prishvin and M. A. Bulgakov. Mikhail Prishvin: dialogi s epokhoi: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 135-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya = Mikhail Prishvin: dialogues with the era: materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 135th anniversary of the writer. Bunin Yelets State University, 2008. P. 71–75. (In Russ.)*

18. *Shmelev D. N. Problems of semantic analysis of vocabulary (based on the Russian language). Moscow: Science, 1973. 280 p. (In Russ.)*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь Сергеевич Урюпин, доктор филологических наук, профессор

Igor S. Uryupin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 10.11.2022.

The article was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 10.11.2022.